

УДК 81.32

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ АКВА- И ИХТИОКУЛЬТУРЫ: КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Захарова Алла Сергеевна,

Волгоградский государственный аграрный университет,
кафедра иностранных языков,
старший преподаватель,
Волгоград, Россия,
E-mail: allazakharova2010@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждаются дискурсивные практики аква- и ихтиокультуры; дается определение аква- и ихтиокультуре, предлагается описание их лингвосемиотической структуры. Исследуются знаки аква- и ихтиокультуры в статусе прагматонимов (аквонимы и ихтионимы), изучается их бытование в соответствующих дискурсах – научном, рыболовном и гастрономическом (глуттоническом). Рассматривается понятие дискурсивной практики в целом и её актуализация применительно к данным типам дискурсивного пространства; предлагаются способы и критерии типологизации соответствующих дискурсивных практик. Дается типология дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры в научном, рыболовном и гастрономическом (глуттоническом) дискурсивных пространствах. Делается вывод о динамизме дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры, проявляющемся в расширении репертуара вовлекаемых в коммуникацию знаков и в проникновении прагматонимов (аквонимов и ихтионимов) в иные дискурсивные пространства с течением времени.

Ключевые слова:

аквакультура, дискурс, знак, ихтиокультура, лингвосемиотика.

Как известно, дискурсивные практики представляют собой категорию, «...которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства. Данная категория подразумевает наличие в нашей повседневной реальности не одного, но множества самых различных типов и видов дискурсов, функционирующих одновременно и пронизывающих социальное пространство в виде

автономных, гетерогенных и непрерывных информационных потоков» [15, с. 288]. В то же время, О.С. Иссерс справедливо отмечает, что «...само определение понятия «дискурсивная практика» не отличается терминологической четкостью, по-видимому, в силу того, что научное и «наивное» понимание «практики» не слишком различаются <...> Как в научных определениях данного понятия, так и в лексическом значении слова «практика» ключевыми являются идеи «деятельности»

и «опыта» (как умения, навыка и обычая) <...> Применительно к дискурсивным практикам речь может идти о появлении новых коммуникационных каналов, смещении дискурсов и кодов (интердискурсивность, поликодовость), а также формировании новых идентичностей и идеологий, стимулирующих трансформацию дискурсов» [7, с. 231].

Несмотря на терминологическую размытость понятия «дискурсивные практики», можно предположить, что этот феномен есть не что иное, как речевое явление, лингвосомиотически рефлектирующее тот или иной тип / вид культуры или даже включенное в него и его характеризующее. Исходя из такого предположения, можно обозначить ряд возникающих проблем, а именно:

- проблему типологизации соответствующих той или иной культуре дискурсивных практик;
- проблему выделения и типологического описания единиц, включенных в дискурсивные практики той или иной культуры;
- проблему возникновения и проявления динамизма дискурсивных практик.

Предлагаемая статья нацелена на поиск критериев типологизации дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры, а также лингвосомиотического описания знаков-номинаций, включенных в дискурсивное пространство данных типов культуры.

Лингвосомиотическое пространство аква- и ихтиокультуры представляет собой, с одной стороны, широкую сферу агрикультуры, поскольку добыча, производство и содержание рыбы и иных водных (прудовых, речных и морских) продуктов протекают в сельской местности, являясь частью аграрного процесса как феномена производства, так и феномена научной сферы; с другой стороны, оно составляет обширную зону актуализации витальных потребностей, связанную с глуттоническими (гастрономическими) процессами потребления представителей ихтио- и аквакультур – добычей, обработкой, приготовления и подачи на стол.

Это пространство наполнено системой знаков номинативного характера, имеющих прагматические свойства, такие как, во-первых, отнесённость к практической области деятельности Homo consummatus – Человека потребляющего; во-вторых, соотносённость с зоной потребительских водных ресурсов среды обитания рыбных и ракообразных особей как объектов добычи и обработки; в-третьих, включённость в процессы добычи, воспроизведения и обработки широкой зоны знаков инструментального типа. Таким образом, можно говорить о разветвленной типологии знаков-номинаций, чей статус носит прагматический характер и позволяет именовать их при помощи зонтичного термина «прагматоним».

Под понятием «прагматонимы» мыслятся «... условно объединяемые группы номинативных единиц, имеющих денотаты в прагматической сфере деятельности человека: предметы домашней утвари, мебель, продукты питания, одежда, точки питания» [11, с. 110]. Как отмечает Л. Р. Ермакова, «... прагматический аспект человеческой экзистенции в сфере потребления манифестируется в соответствующих данной области языковых формах и структурах, частью которых являются прагматонимы. Коннотативная семантика данного вида языковых единиц понимается как система семантических следствий, культурных предпочтений носителей языка, необходимых для выяснения «коннотативного репертуара» (термин Ю. А. Сорокина) той или иной лингвокультурной общности в реальных условиях общения» [4, с. 7].

Прагматонимы как группа номинативных единиц изучались в различных аспектах и на материале ряда языков: русского [12; 6], немецкого [2; 9], английского [5], в сопоставлении русского и чешского [13], азербайджанского и турецкого [8], а также калмыцкого, русского и немецкого языков [1]. Термин «ресурсоним» как объединяющий номинации источников жизнеобеспечения и питания введен Т. Н. Некрасовой и А. В. Оляничем [10]. Ресурсонимы глуттонического типа вместе

с другими классами прагматонимов (например, виверонимы как знаки продуктов выживания и питания) изучались также Н.И. Дороховой в диахроническом аспекте на материале древнеанглийского и среднеанглийского языка [3].

Перечисленные типы знаков в силу их поливекторной природы активно включаются в различные типы дискурсов: с одной стороны, являясь объектами изучения биологии, агрономии и ихтиологии, такие знаки являются операциональными единицами дискурсивных практик науки; с другой стороны, будучи вовлеченными в коммуникацию, основанную на удовлетворении потребностей, они представляют собой операциональные единицы таких потребностно ориентированных дискурсов, как рыболовный и глуттонический (гастрономический), и оказываются вовлеченными в соответствующие дискурсивные практики.

Таким образом, типологизация дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры подчиняется таким критериям, как а) наличие признака исследовательской рефлексии окружающей действительности («что это такое, как оно устроено и как бытует / работает»), и тогда определяется научный тип дискурсивных практик; б) наличие признака детерминации витальной потребности («как добыть, чтобы потребить и, соответственно выжить»), в этом случае формируется потребностный тип дискурсивных практик.

Характерными признаками научного типа дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры выступают:

– наличие латиноязычных классификационных терминов (например, в дискурсе англоязычной ихтиологии присутствуют такие латиноязычные номинации, как **actinopterygii (ray-finned fishes, лучеперые)** – *holostei*: the gars and bowfins; *osteoglossiformes*: the bony-tongued fishes; *elopomorpha*: tarpon, bonefishes, eels, and gulpers; *clupeomorpha*: herrings, anchovies; *ostariophysii*: milkfishes, carp, danios, goldfishes, loaches, minnows, characins, piranhas, tetras, knifefishes, and catfishes; *salmoniformes*: salmon and trout; *esociformes*: pike and pickerel;

osmeriformes: smelts and galaxiids; *stomiiformes*: bristlemouths and marine hatchetfishes; *myctophiformes*: lanternfishes; *lampriiformes*: oarfish, opah, and ribbonfishes; *polymixiiformes*: beardfishes; *percopsiformes*: including cavefishes and trout-perches; *batrachoidiformes*: toadfishes; *lophiiformes*: anglerfishes; *gadiformes*: cods; *ophidiiformes*: pearlfishes; *mugiliformes*: the mullets; *atheriniformes*: silversides and rainbowfishes; *beloniformes*: flyingfishes; *cetomimiformes*: whalefishes; *cyprinodontiformes*: livebearers, killifishes; *stephanoberyciformes*: ridgeheads; *beryciformes*: fangtooths and pinecone fishes; *zeiformes*: dories; *gobiesociformes*: clingfishes; *gasterosteiformes*: sticklebacks; *syngnathiformes*: seahorses and pipefishes; *synbranchiformes*: swamp eels; *tetraodontiformes*: triggerfishes, filefishes and pufferfishes; *pleuronectiformes*: flounders and flatfishes; *scorpaeniformes*: scorpionfishes and sculpins; *perciformes*: anabantids, basses and sunfish, cichlids, gobies, gouramis, mackerel, tuna, perches, scats, whiting, wrasses)¹;

– присутствие последовательной характеристики того или иного класса рыб с описанием устройства их тела, специфики строения скелета, приспособленности к окружающей среде, особенностей питания и т.п. (например, как в следующем дискурсивном фрагменте: *Ray-finned fishes (Actinopterygii) are the most diverse of the major groups of fishes, containing more than 25,000 species such as gars, bowfin, eels, salmon, trout, catfish, piranhas, lanternfish, cods, anglerfish, tarpon, basses, cichlids, butterflyfish, wrasses, parrotfish, and many others. Ray-finned fishes share a set of basic characteristics, including a skeleton made up of true bone (although cartilage is also present in many places), an upper jaw that consists of two bones (the maxilla and premaxilla),*

1 Обратим особое внимание на то, что для научных дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры характерна лингвосемиотическая номинативная ситуация использования латиноязычных терминов в качестве знаковых классификаторов, а их англоязычных эквивалентов – в качестве знаков прагматонимов, когнитивно освоенных как научной (ученые-ихтиологи), так и широкой общественностью (рыбаки, потребители).

and fins that are supported by a set of bony spines and rays covered with a thin layer of skin. The skull of ray-finned fishes is extremely diverse and highly adaptable. It contains a large number of different mechanisms for enhancing bite force and jaw protrusion, resulting in a wide range of feeding adaptations and ecological roles for the actinopterygian fishes).

Для дискурсивных практик рыболовства характерно широкое использование, прагматонимов-ресурсонимов сферы «Хабитат», т. е. среда обитания и вылова / добычи, например, таких как английские номинации *river, creek, pond, lake, bay, sea, ocean, fiord, gulf* (их русскоязычные эквиваленты *река, ручей, пруд, озеро, залив, море, океан, фьорд, пролив*). К сфере «Среда обитания» также относятся знаки-номинации территории выращивания (культивации) ихтио- (рыба, моллюски, ракообразные) и аквакультур (морские водоросли, морская капуста и т. п., английские вербалии типа *fishfarm, clamsfarm, shrimpsfarm* и их русские эквиваленты например, *рыбо-завод* и *форелевое (осетровое) хозяйство*). Кроме того, рыборазведение в России и англоязычных странах оказывается возможным в искусственных прудах и запрудах, а также в искусственных водоёмах у дамб и гидроэлектростанций (см. английские номинации и их русские эквиваленты: *dam* – плотина, дамба, запруда, перемычка, матка, мол; *dike* – дамба, дайка, плотина, ров, защитная дамба, запруда; *dyke* – дамба, дайка, плотина, дейк, ров, запруда; *pond* – пруд, водоем, бассейн, садок, запруда; *weir* – плотина, водослив, запруда; *bay* – бухта, залив, губа, запруда; *barrage* – заграждение, плотина, барраж, запруда; *hatch* – шлюз, запруда; *lasher* – водослив, плотина, запруда; *wear* – запруда).

Ловля и добыча ихтиокультур вместе с аквакультурами осуществляется при помощи особых, приспособленных для этого судов (номинация *траулер*, англ. *trawler*), на борту которых зачастую происходят обработка и переработка рыбопродуктов для доставки их потребителю в виде полуфабрикатов.

Промышленный лов рыбы осуществляется при помощи сетей и тралов (англ. номинации *trawl, net*); при любительском лове используют удочки (английская номинация *fishingrod*), спиннинги (английская номинация *spinning*), закидные (английская номинация *pullingnet*) и завозные сети (английская номинация *deliverynet*); последние, как правило, являются браконьерским способом лова и запрещены в цивилизованных странах. Для лова ракообразных и моллюсков часто используются сетчатые ловушки (*catch*).

В любительском лове ихтиокультур также принимают участие ныряльщики (англ. номинация *divers*) и охотники с подводными ружьями (английская номинация *speargun divers*) или острогами (см. синонимичные номинации *spear* – копьё, гарпун, дротик, острога; *lance* – копьё, пика, острога; *fizgig* – острога, гарпун; *gig* – острога; *harpoon* – гарпун, острога, багор; *gaff* – багор, острога, гафель; *leister* – острога; *fishspear* – острога; *fishfork* – острога; *fish-gig* – гарпун, острога).

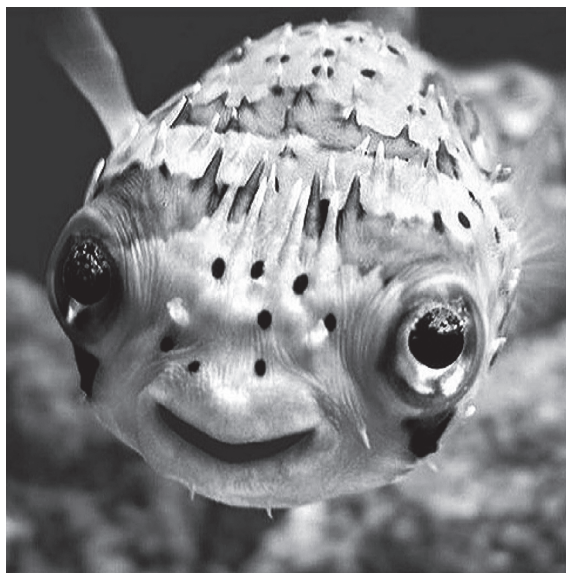
Для дискурсивных рыболовных практик характерны дескрипции повадок и привычек рыбных особей, главные из которых включают в себя территориальные и сезонные предпочтения; Л. П. Сабанеев, например, так дискурсивно фиксирует предпочтения сазана (подчеркнуты ниже):

«Мелкий сазан, до 3-летнего возраста, постоянно живет по плесам и заливам, выбирая такие, которые изобилуют камышом (очеретом). Здесь он и зимует, но весной также выходит на разливы – не для нереста, а ради более обильного корма на займище и по причине сильного течения в русле реки во время водополья. Взрослый же сазан редко избирает своим местопребыванием такие плесы и заливы, хотя и выходит туда жировать. Как в открытой реке, так и в больших проточных прудах пристанищем его служат более или менее глубокие (в несколько сажен) ямы, недоступные неводу. Крупные сазаны живут всегда в больших ямах, заваленных ломом (щепой) и корягами. Горбатый вариант сазана, известный на Волге,

Сердобе и других реках под названием горбыля, а местами (по Северному Донцу) неправильно называемый коропом, всегда предпочитает подобные неприступные убежища. Вообще сазаны в реке, кроме горбылей, избегают слишком иловатых или песчаных мест и избирают своим местопребыванием ямы с глинистым дном – по той причине, что такие ямы расположены почти всегда уступами или имеют много глыб; эти уступы и глыбы заменяют недостающие коряги. Большую часть такие ямы бывают под обрывами и крутоярами, в изгибе, делаемом рекой. В озерах и прудах карп предпочитает ямам плавучие берега, а иногда держится и в камышках. В небольших реках он часто живет под мостами, где обыкновенно бывает глубоко между сваями» [14, с. 35].

В рыболовные дискурсивные практики также входят дескрипции способов ловли и денотации соответствующего ловле времени, что фиксируется в дискурсе при помощи прагматонимов-инструментативов (см. ниже – выделены курсивом) и прагматонимов-хрононимов (см. ниже – подчеркнуты):

«Лучшее время дня для ловли карпа, бесспорно, раннее утро, особенно летом. В жаркое время карп, как было уже замечено, жирует и ночью, но так как ужение его на донную неудобно и малоупотребительно, то ночная ловля почти вовсе неизвестна и имеет случайный характер, тем более что ловить приходится в неглубоких заводях или даже на мелях. Впрочем, я полагаю, что в мае и в июне можно ловить почти всю ночь с поплавокми, надевая на них черные бумажные кружочки, достаточно заметные на более светлом фоне поверхности воды. Н. Домбровский, придавая очень важное значение ночному ужению, советует ловить

с фонарем, с сильным рефлектором, освещающим поплавки. Я имею основание думать, что утренний клев сазана летом на своих обычных местах, т. е. в глубоких ямах с слабым течением, может быть разделен на ранний – от рассвета до восхода и поздний – с 6 до 8 или 9 часов утра. В первом случае карпы берут приманку, возвращаясь с ночной жировки, во втором – отправляясь на утреннюю кормежку. Самые крупные сазаны берут почти исключительно ранним утром или даже на рассвете. Большинство рыболовов, кажется, не пользуется ранним клевом по многим причинам, хотя сазан до восхода берет гораздо решительнее и смелее, чем

когда совсем ободняет. Продолжительным бросанием привады в известные утренние или вечерние часы можно приучить карпов посещать прикармливаемое место и в не совсем урочное время, а этих рыб очень редко ловят без предварительной прикормки. Но вечерний клев почти всегда бывает хуже утреннего, и вечерами обыкновенно вдет на удочку мелкий карп. Вообще, вечерный клев неправилен и непостоянен: в одних местах карпы берут с 2–3 часов пополудни до 6, в других – от 6 до 8. В конце лета и в начале осени, т. е. в августе и сентябре, когда вода похолодеет, сазаны нередко всего лучше ловятся на удочку с 9 часов утра до 11» [14, с. 36].

Для глоттонических (гастрономических) дискурсивных практик аква- и ихтиосферы регулярно употребление аква- и ихтиономинаций в контекстах переработки, подачи и потребления рыб, моллюсков и ракообразных, т. е. в контекстах кулинарных рецептов и этноспецифических текстах масс-медиа (травелоги, телепередачи о кулинарных путешествиях, Интернет-блоги и проч.). Зачастую гастроно-

мические дискурсивные практики аква- и ихтиокультуры совмещают лингвосомиотическую репрезентацию данной номинативной сферы, например, кулинарный рецепт помещают в контекст этноспецифического кулинарного травелога:

«Начнем наш кулинарно-сомовый экскурс с Америки. Странные люди, эти американцы. Похоже, сома они ни чуточки не боятся, за длинные усы (сом с усом) прозвали «рыбой-котом» (catfish) и разводят «рыбокота» на фермах аж в 34 штатах (главный – Миссисипи). Научили их этому, скорее всего, индейцы – в жаркое время, когда пруды, где живут сомы, начинали высыхать, южные племена без труда запасались рыбой впрок. Американские сомы очень распространены в современной кухне США – их варят, тушат, запекают, кладут в сэндвичи, готовят по-каджунски, «обугливая» до черноты на раскаленной сковороде. В южных штатах даже Страстную пятницу часто называют Catfish Friday, так как в этот день принято есть рыбу и чаще всего – именно сома.

Как-то мне попалось на глаза меню обеда, которым Буш на своем тexasском ранчо потчевал нашего Путина. Этот знаменитый обед готовился под руководством известного тexasского ковбоя-гастронома Тома Перини, который иногда поставляет тexasскую еду в Белый дом. Не так давно Перини приезжал в Питер, познакомился с Ильей Лазерсоном, поведал ему про то самое меню, но секретов своих так и не выдал. С Ильей такие штучки не проходят – разузнает всенепременно. Довольно скоро он волею случая оказался в Техасе, и поскольку политика его интересует меньше, чем кулинария, то не у Буша, а на соседнем ранчо – у Тома. Деваться Тому было некуда (гостям тexasцы никогда не отказывают), и Илья вернулся домой с победой – вооруженный всеми деталями президентской трапезы, в том числе, и рецептом... жареного «рыбокота» по-тexasски, который пришелся по вкусу нашему президенту:

Тexasский жареный сом по-президентски.

1 сом весом 1,5–2 кг. Для льезона: 3/4 стакана молока; 1 яйцо; 2 ч. л. соли; 1/2 ч. л. дро-

бленого белого перца. Для панировки: 2 стакана кукурузной муки, 1/4 стакана пшеничной муки; 1 ч. л. молотого сухого кайенского перца; 1/2 ч. л. молотого черного перца; 1 ч. л. соли; 1/4 ч. л. лукового порошка; 1/4 ч. л. чесночного порошка. Сома разделать на филе без кожи, нарезать ломтиками (как спичечный коробок, только немного тоньше). Приготовить льезон, смешать все ингредиенты для панировки. Погрузить ломтики рыбы в льезон, запанировать и жарить в полуфритюре до готовности» [Гастрономъ].

Как видим, основным лингвосомиотическим параметром гастрономической дискурсивной практики аква- и ихтиокультуры оказывается инсталляция аква- или ихтиознака (в нашем случае это прагматоним «сом» – catfish) в этнокультурную среду (культура США – «южные штаты», «Миссисипи», «индейцы», «готовить по-каджунски», «сом по-тexasски», специфическое название Страстной пятницы «Catfish Friday»). Добавим, что этнокультурный контекст гастрономии способен обогащаться за счет дискурсивных практик иных типов коммуникации; в нашем случае это коммуникация политическая (прием президентом Бушем Владимира Путина на своем тexasском ранчо, поставка тexasской еды в Белый дом, президентская трапеза). Наконец, смысл, денотируемый аква- или ихтиознаком, детерминирует этноспецифику собственно кулинарного рецепта как неотъемлемой составляющей общего контекста данной дискурсивной практики.

Подведем итоги.

Типологизация дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры может быть осуществлена при помощи таких критериев, как наличие признака исследовательской рефлексии окружающей действительности (определяется научный тип дискурсивных практик), а также наличие признака детерминации витальной потребности (уточняются потребностные типы дискурсивных практик, такие как рыболовный и гастрономический / глоттонический).

Признаками научного типа дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры выступают

наличие латиноязычных классификационных терминов и присутствие последовательной характеристики того или иного класса рыб, моллюсков и ракообразных.

В дискурсивных практиках рыболовства регистрируется широкое использование прагматонимов-ресурсонимов сферы «Хабитат», т.е. среды обитания и вылова / добычи элементов аква- и ихтиокультуры; имеют место дескрипции их повадок, привычек, способов их ловли; детерминируются денотации соответствующего ловле времени, дискурсивно фиксируемые при помощи прагматонимов-инструментативов и прагматонимов-хрононимов.

Гастрономические дискурсивные практики аква- и ихтиокультуры предусматривают совмещение разножанровых контекстов (кулинарный рецепт и кулинарный этногастролог) в лингвосемиотической репрезентации данной номинативной сферы, при этом этнокультурный контекст гастрономии способен обогащаться за счет дискурсивных практик иных типов коммуникации (например, политической).

1. Боваева Г.М., Олянич А.В. Лингвокультурная специфика знаков этнических пищевых предпочтений калмыцкого, русского и немецкоязычных народов: монография [Текст] / А.В. Олянич, Г.М. Боваева. – Волгоград: Изд-во ВолГАУ, 2013. – 220 с.

2. Быкова О.И. Этнокультурный репертуар немецких прагмонимов [Текст] / О.И. Быкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 5–15.

3. Дорохова Н.И. Лингвосемиотика социальной дифференциации среды обитания англосаксонского и англо-норманнского этносов (V–XV вв.) [Текст] / Наталья Ивановна Дорохова. – Дисс. канд. филол. наук. – Специальность 10.02.04 – германские языки. – Волгоград, 2013. – 240 с.

4. Ермакова Л.Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер (на материале русской и английской лингвокультуры) [Текст] / Лариса Робертовна Ермакова. – Дисс. канд. филол. наук. – Специальность 10.02.19 – теория языка. – Белгород, 2010. – 239 с.

5. Захаров С.В. Лингвосемиотика англосаксонской институциональной глуттонии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / С.В. Захаров; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2008. – 20 с.

6. Исакова А.А. Эволюция прагмонимического пространства: структура, семантика, прагматика: на материале соврем. механонимии [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: специальность 10.02.19 / А.А. Исакова; [Кубан. гос.

ун-т.]. – Краснодар, 2008. – 46 с.

7. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 4. С. 227–232.

8. Олянич А.В., Бараташвили Э.Э. Лингвокультура тюркоязычного гастрономического общения: монография [Текст] // А.В. Олянич, Э.Э. Бараташвили. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2012. – 152 с.

9. Олянич А.В., Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: монография [Текст] / А.В. Олянич, Н.П. Головницкая. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. – 180 с.

10. Олянич А.В., Некрасова Т.Н. Лингвосемиотика глуттонии в автомобильном путешествии // Дискурс, социум, креативность: коллективная монография [Текст] / А.В. Олянич, Т.Н. Некрасова. – Отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2012. – 510 с. (Серия «Язык и дискурс». Вып. 4). – С. 107–116.

11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская; отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.

12. Романова Т.П. Система способов словообразования рекламных собственных имен [Текст] / Т.П. Романова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманит. вып. – Самара, 2007. – № 5/2 (55). – С. 204–214.

13. Рябова Л. Русская и чешская цибонимия в лингвокультурологическом аспекте [Текст]: дис. ... magisterartium (славян. филология). – Тарту, 2005. – 240 с.

14. Сабанеев Л.П. Рыбы России (Том второй) / Л.П. Сабанеев. – М.: ТЕРРА, 1993.

15. Сарна А.Я. Дискурсивные практики // Социология: Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. / Ред. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. 2003. – 1312 с.

1. Bovaeva G.M., Olyanich A.V. Lingvokul'turnaya specifika znakov e'tnicheskix pishhevyyh predpochtenij kalmyckogo, russkogo i nemeckoyazychnyx narodov: monografiya [Tekst] / A.V. Olyanich, G.M. Bovaeva. – Volgograd: Izd-vo VolGAU, 2013. – 220 s.

2. Bykova O.I. E'tnokul'turnyj repertuar nemeckix pragmonimov [Tekst] / O.I. Bykova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2005. – № 2. – S. 5–15.

3. Doroxova N.I. Lingvosemiotika social'noj differenciacii sredy obitaniya anglosaksonskogo i anglo-normannskogo e'tnosov (V–XV vv.) [Tekst] / Natal'ya Ivanovna Doroxova. – Diss. kand. filol. nauk. – Special'nost' 10.02.04 – germanskijeazyki. – Volgograd, 2013. – 240 s.

4. Ermakova L.R. Glyuttonicheskie pragmatonimy i nacional'nyj karakter (na materiale russkoj i anglijskoj lingvokul'tur) [Tekst] / Larisa Robertovna Ermakova. – Diss. kand. filol. nauk. – Special'nost' 10.02.19 – teoriya yazyka. – Belgorod, 2010. – 239 s.

5. Zaxarov S.V. Lingvosemiotika anglosaksonskoj institucional'noj glyuttonii [Tekst]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 – germanskijeazyki / S.V. Zaxarov; Volgogr. gos. un-t. – Volgograd, 2008. – 20 s.

6. Isakova A.A. E'vol'yuciya pragmonimicheskogo prostranstva: struktura, semantika, pragmatika: na materiale sovrem. mexanonimii [Tekst]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: special'nost' 10.02.19 / A.A. Isakova; [Kuban. gos. un-t]. – Krasnodar, 2008. – 46 s.
7. Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' // Vestn. Om. un-ta. 2011. № 4. S. 227–232.
8. Olyanich A.V., Baratashvili E'E'. Lingvokul'tura tyurkoyazychnogo gastronomicheskogo obshheniya: monografiya [Tekst] // A.V. Olyanich, E'E'. Baratashvili. – Volgograd: Volgogradskij GAU, 2012. – 152 s.
9. Olyanich A.V., Golovnickaya N.P. Lingvokul'turnye karakteristiki nemeckoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: monografiya [Tekst] / A.V. Olyanich, N.P. Golovnickaya. – Volgograd: IPK FGOU VPO VGSXA «Niva», 2008. – 180 s.
10. Olyanich A.V., Nekrasova T.N. Lingvosemiotika glyuttonii v avtomobil'nom puteshestvii // Diskurs, socium, kreativnost': kollektivnaya monografiya [Tekst] / A.V. Olyanich, T.N. Nekrasova. – Otv. red. M. Yu. Oleshkov. – Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2012. – 510 s. (Seriya «Yazyk i diskurs». Vyp. 4). – S. 107–116.
11. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Tekst] / N.V. Podol'skaya; otv. red. A.V. Superanskaya; AN SSSR, In-t yazykoznaniya. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Nauka, 1988. – 187 s.
12. Romanova T.P. Sistema sposobov slovoobrazovaniya reklamnyx sobstvennyx imen [Tekst] / T.P. Romanova // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanit. vyp. – Samara, 2007. – № 5/2 (55). – S. 204–214.
13. Ryabova L. Russkaya i cheshskaya cibonimiya v lingvokul'turologicheskom aspekte [Tekst]: dis. ... magisterartium (slavyan. filologiya). – Tartu, 2005. – 240 s.
14. Sabaneev L.P. Ryby Rossii (Tom vtoroj) / L.P. Sabaneev. – M.: TERRA, 1993.
15. Sarna A.Ya. Diskursivnye praktiki // Sociologiya: E'nciklopediya. – Minsk: Interpresservis; Knizhnyj Dom. / Red. A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshhenko. 2003. – 1312 c.

UDC 81.32

DISCURSIVE PRACTICES IN AQUA- AND ICHTHYO-CULTURES: THE CRITERIA OF A TYPOLOGICAL DESCRIPTION

Zakharova Alla Sergeevna,

Volgograd State Agrarian University,
Senior lecturer of the chair of foreign languages,
Volgograd, Russia,
E-mail: allazakharova2010@mail.ru

Annotation

The article discusses the discursive practices in aqua- ichthyo-cultures; defined are the aqua- and ichthyo-culture; it is proposed the semio-linguistic description of their structure. We study the signs of aqua- and ichthyo-cultures as obtaining the status of pragmatonyms (aquaonyms and ichthyonyms), studied is their existence in the respective discourses – scientific, fishing and gastronomic (gluttony) ones. The concept of discursive practices in general and its actualization in relation to these types of discursive space are being discussed; provided are methods and typology criteria relevant to certain discursive practices. We give a typology of discursive practices of aqua-and ichthyo-cultures in the scientific, fishing and gastronomic (gluttony) discursive spaces. It is concluded that the dynamism of discursive practices of aqua- and ichthyo-cultures is manifested in the expansion of the repertoire of signs involved in the communication and in the penetration of pragmatonyms (aquaonyms and ichthyonyms) in other discursive space over time.

Key words:

aqua-culture, discourse, ichthyo-culture, semio-linguistics, sign.